

ВТОРАЯ АНТИФРАНЦУЗСКАЯ КОАЛИЦИЯ 1799 ГОДА: ВЗГЛЯД ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

О. А. Ковалева

Институт истории и международных отношений Южного федерального университета

Поступила в редакцию 2 декабря 2022 г.

Аннотация: *рассматривается вопрос об участии России во Второй антифранцузской коалиции в 1799 г. Автор приходит к выводу о том, что существовавшие между союзниками по коалиции противоречия, связанные с обострением русско-австрийских отношений, невозможностью вовлечь в коалицию Пруссию и невыполнением Великобританией обязательств по оказанию финансовой помощи России стали причиной ее распада.*

Ключевые слова: *Вторая антифранцузская коалиция, дипломатия, Французская революция, Россия, Великобритания, Австрия, Пруссия.*

Abstract: *the article examines the issue of Russia's participation in the Second anti-French Coalition in 1799. The author comes to the conclusion that the contradictions existing between the coalition allies related to the aggravation of Russian-Austrian relations, the inability to involve Prussia in the coalition and the failure of Great Britain to fulfill its obligations to provide financial assistance to Russia caused its collapse.*

Key words: *Second anti-French coalition, diplomacy, French Revolution, Russia, Great Britain, Austria, Prussia.*

Определяющим событием XVIII века, точнее, его последней декады стала Французская революция, которую правые силы в Европе воспринимали как «великое народное преступление – противорелигиозный и противообщественный мятеж, увенчавшийся цареубийством» [1, с. 25]. Кроме тектонических последствий Революции для самой Франции, континентальных европейских стран, а в перспективе и для всего человечества она оказала мощное воздействие на расстановку сил на международной арене. В частности, своеобразным внешним отзывом на Французскую революцию стали семь антифранцузских коалиций, организованных при деятельном участии Британии в период с 1792 по 1815 г. Две первые из них (в отличие от последующих пяти) можно характеризовать не только как антифранцузские, но и как контрреволюционные.

Формирование антифранцузских коалиций и участие в них различных стран Европы уже давно стали предметом многочисленных исследований [2–5]. При этом почти хрестоматийным, повторяющимся из монографии в монографию утверждением стало утверждение о том, что главным организатором и вдохновителем практически всех без исключения антифранцузских коалиций была буржуазная Англия [6–8]. Ничего принципиально неверного в этом нет. Действительно, опираясь на свою все возрастающую экономическую и финансовую мощь, Британия

фактически на протяжении всех революционных и наполеоновских войн являлась своеобразным казначеем антифранцузских союзов, во многом определяя ход и направленность вооруженного конфликта, растянувшегося почти на четверть века [9]. И все же в этом, как и в любом другом «правиле», есть исключения. К ним, безусловно, можно отнести то, что произошло во время войны Второй антифранцузской коалиции, в которой, наряду с Великобританией, в качестве явного лидера или как минимум ее «соавтора» выступила царская Россия.

В этой связи представляется интересным рассмотреть, как выглядела позиция Российской империи в то время, когда происходил процесс формирования Второй коалиции, какова была роль Санкт-Петербурга в этом сложном и многовекторном процессе, в чем заключались европейские приоритеты российской дипломатии в этот период.

Богатый материал для ответов на все эти вопросы дают документы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (фонд Сношения России с Англией).

Учитывая значительный объем дипломатических документов, содержащихся в этом архивном фонде, есть смысл, характеризуя участие Российской империи в борьбе с революционной Францией, ограничить хронологические рамки лишь одним 1799-м годом.

Подобное ограничение, конечно, нельзя объяснить лишь этим обстоятельством. Дело в том, что хотя по факту Вторая коалиция в основном сформировалась и начала действовать еще в 1798 г., а окончательно

но прекратила свое существование в 1802 г., наиболее важные политические и военные события, с ней связанные, произошли именно в 1799 г.

Ключевым центром российской дипломатии в Европе была Лондонская миссия. Ее с мая 1785 г. возглавлял ревностный сторонник сближения с Англией и активнейшего участия Империи в войне с революционной Францией граф С. Р. Воронцов [10–12]. В силу разных причин (главными из которых, очевидно, были учреждение по инициативе Екатерины II антианглийской Лиги нейтральных (в 1780 г.) и попытки Англии, в свою очередь, навязать России свой план мирного договора с Османской империей (весной 1791 г.)) подобная линия поведения для России оказалась невозможной. В последние годы царствования Екатерины II прямое участие Российской империи в Первой антифранцузской коалиции свелось лишь к отправке к берегам Британии небольшой эскадры во главе с вице-адмиралом Ханьковым. По большому счету роль России в 1792–1796 гг. – не более чем роль пусть благожелательного по отношению к Англии и ее союзникам, но все же только наблюдателя в развернувшемся противостоянии с «неистовой Французской Республикой».

В первые полтора года царствования сменивший Екатерину II Павел I, по сути, продолжил политику своей матери, воздерживаясь от активного вмешательства в антифранцузскую войну. Однако уже весной 1798 г. позиция России в отношении участия в борьбе с революционной Францией претерпевает радикальную перемену. «Мы совершенно согласны с Лондонским двором в том, что надобно, да и время, положить преграду дальнейшим французским замыслам», – сообщал из Петербурга 19 марта 1798 г. С. Р. Воронцову в Лондон российский канцлер А. А. Безбородко [13, с. 240]. В том же 1798 г. в отпусках рескриптов императора Павла I полномочному министру при Сент-Джеймском дворе, графу С. Р. Воронцову от 27 апреля и 29 августа были сформулированы приоритетные задачи российской дипломатии на ее европейском направлении. В целом они сводились к решению двух важных задач: 1) приложить «старания к преклонению прусского короля к соучастию с нами (т. е. с Россией. – *О. К.*) и прочими... нашими союзниками», чтобы «отвратить дальнейшее зло (т. е. французские экспансионистские планы. – *О. К.*)»; 2) поддержать английские военноморские силы в Северном и Средиземном морях, направив туда русский флот» [там же, с. 238].

Отпуски рескриптов императора Павла I графу С. Р. Воронцову в следующем 1799 г. в каком-то смысле повторили, а в каком-то расширили намеченные ранее задачи. Особенно интересен в этом контексте императорский рескрипт от 15 июля 1799 г., в котором Павел I формулирует требование, обращенное к ди-

пломатическим представителям союзных держав (графу Кобенцлю, кавалеру Витворту, дюку Серра Каприола, маркизу Галло), чтобы они довели государям своим, дабы те направили своих представителей к российскому монарху, как к «посреднику, не имеющему никаких собственных видов (т. е. интересов. – *О. К.*) своих и исполучившемуся так сказать за них и за безопасность Европы» [14, л. 57]. Этим царь как бы подчеркивал рыцарственность своих намерений, выказав бескорыстность участия России в антифранцузской войне. В то же время в рескрипте от 15 июля он находил, что «полезно было бы... чтобы державы, наисущественнее в войне заинтересованные заранее и теперь же сообщили о подлинных видах их в продолжении оной; какие могут быть мысли правительств в рассуждении общего примирения; какие выгоды или требования могут они предполагать себе при мире» [там же]. Эта строка документа, в свою очередь, свидетельствует как минимум о том, что император Всероссийский был не осведомлен о планах союзников в фактически уже начавшейся антифранцузской кампании и о том, что это его крайне смущало и озадачивало. Возможно, что отчасти чрезмерная искренность Павла I и весьма туманные планы союзников российского самодержца во многом являлись симптомами будущего раскола и последующего краха Второй антифранцузской коалиции.

В рескриптах, отправленных в Лондон, определенное место занимает вопрос о субсидных обязательствах Англии в отношении Российской империи. Только за июнь–август он упоминается трижды (16 июня, 10 июля и 12 августа). Так, рескрипт от 16 июня 1799 г. сообщает графу Воронцову о том, что общая сумма английских субсидий, выделенная русским войскам в Швейцарии (корпус А. М. Римского-Корсакова) и Италии (армия А. В. Суворова) до конца года обозначена сумой в 1600 тыс. рублей [там же, л. 506]. 10 июля, возвращаясь к теме британской финансовой помощи, царь замечает: «Суммы Англией, нам за войско переводимые, отнюдь недостаточны суть; но руководствуемся только усердием нашим...» [там же, л. 55]. Та же мысль звучит и месяц спустя (12 августа), когда Павел I заявляет «о действительном почти недостатке субсидий аглицких...» [там же, л. 67].

В теме субсидий, таким образом, также вырисовывается, правда, еще в довольно сдержанной форме, другой узловой конфликт, подтачивавший Вторую коалицию изнутри: с одной стороны, Россия, почти «задаром» воюющая за общеевропейское дело, с другой стороны, прижимистая Англия, не желающая потратить на антифранцузскую войну ни одного лишнего цента.

Поскольку в любой коалиционной войне важнейшим является вопрос о союзниках (точнее, о взаимо-

отношениях их друг с другом), то и эта тема находит отчетливое отражение в директивах, которыми, по сути, были императорские рескрипты, графу Воронцову из Санкт-Петербурга. Как уже отмечалось выше, вопрос об отношениях Россия–Англия уже отчасти был затронут в рескриптах лета 1799 г., где речь шла относительно субсидий, которые должна была выплачивать России Англия в связи с начавшейся антифранцузской войной. Этим, однако, дело не ограничивалось. Как и в случае с другими союзниками, Санкт-Петербургский двор пребывал в неведении о планах Британии в коалиционной войне. Поэтому в Петергофском рескрипте от 15 июля Павел I поручает графу Семену Романовичу разузнать о «подлинных видах» Сент-Джеймского кабинета в войне [там же, л. 571].

Определенное место в рескриптах из Санкт-Петербурга занимает «прусская тема». Как известно, Пруссия была одной из первых европейских держав, покинувших ряды Первой антифранцузской коалиции еще в 1795 г. Однако в процессе формирования Второй коалиции союзники (Англия в частности) не оставляли надежды на вовлечение прусского короля в свои ряды. Царская Россия приняла достаточно активное участие в попытках склонить Пруссию к участию во Второй коалиционной войне. Так, в рескрипте от 16 апреля Павел I извещал графа Воронцова о разочарывающем результате своих усилий в этом вопросе: «С тех пор как удостоверились, – замечает царь, – в невозможности преклонить Двор Берлинский на роль в войне деятельную и усмотрели решительность Венского на поднятие оружия... ситуация принципиально не изменилась» [там же, л. 22]. Казалось бы, в этой теме поставлена точка, но это не так. Менее чем через две недели в очередном рескрипте в Лондон от 29 апреля император Павел вновь сообщает своему послу при Сент-Джеймском дворе о новых усилиях, которые Россия предприняла для склонения Пруссии к участию в антифранцузской войне. По мнению царя, Англия должна также в этом участвовать и «оказать еще поболее снисхождения к требованиям прусского короля...» [там же, л. 351].

Рассматривая разные варианты «воздействия» на Пруссию с целью побудить ее вступить в антифранцузский альянс, в рескрипте из Петергофа от 21 июля Павел I пишет о необходимости заключить соглашение со Швецией. И вновь император считает, что именно Британия должна этому посодействовать. Предполагаемые в результате этого действия шведов в Померании, уверяет он, могут, в конечном счете, вовлечь Пруссию в войну против республиканской Франции [там же, л. 55]. По существу, упомянутый рескрипт являлся своеобразным продолжением темы, затронутой одиннадцатью днями ранее в царском послании от 10 июля. Тогда российский самодержец

ставил в известность графа Воронцова о согласии «двора стокгольмского» участвовать в войне с Францией, но, правда, уточняет Павел I за «знатную сумму... на первые издержки». Император предлагает направить в Померию 8–10 тысяч шведов, разумеется, при условии, что Англия согласится выплатить Швеции необходимые субсидии [там же].

Последний раз «прусская тема» затрагивается в двух гатчинских рескриптах Павла I от 9 и 15 октября 1799 г., причем в довольно интересном антиавстрийском контексте.

Дело в том, что как раз осенью резко обострились отношения России и союзной ей Австрии; «поведение кабинета Венского, – сообщал царь своему послу в Лондон 15 октября, – довело меня наконец до разрыва с оным; упорство его открыться в своих намерениях касательно до восстановления монархического во Франции правления, жадность завладений... теперь в действие производимых, жертвование войск моих в Швейцарии (тут речь явно шла о поражении корпуса русских войск генерала А. М. Римского-Корсакова под Цюрихом 25–26 сентября 1799 г., брошенного союзниками австрийцами на произвол судьбы в Швейцарии. – О. К.) злобе и зависти» [там же, л. 77]. Результаты военной кампании, которая, по мнению Павла I, затевалась ради «восстановления тронов и алтарей», теперь виделись российскому самодержцу следующим образом: «Подвиги и усилия наши, – констатировал император, – обратились единственно в пользу венского двора и неисстребя французское Правление (т. е. не уничтожив Французскую республику. – О. К.) восстановили другое (австрийское. – О. К.) столь же вредное благу общему» [там же].

Именно в силу того, что, как выразился сам царь, «не ожидая теперь ничего доброго от сего неблагодарного и вероломного союзника» (Австрии. – О. К.), Павел I поручает графу С. Р. Воронцову провести своеобразный дипломатический зондаж в английской столице. В этом контексте российский дипломат должен был выяснить, как англичане относятся к австрийским захватам территорий (в частности, в Италии) и возможно ли привлечь к союзу против Австрии Пруссию, пообещав ей за это земли за Рейном. «Нужно ли, – прямо формулирует занимавший его вопрос царь, – против Австрии заключить союз между Россией, Англией, Пруссией и Портой Оттоманской? [там же, л. 75–76]. Рассчитывая, что прусский король согласится на его предложения, российский император пишет Воронцову о том, что если тот действительно на это пойдет, то со своей стороны он «готов написать к нему от себя письмо и призвать его на помощь к защите германской империи и спасению Италии против алчности и беспредельного самовластия дома Австрийского» [там же, л. 78].

Не получив ответа на свои предложения, император Павел I, как следует из его писем, склоняется к мысли о необходимости выхода России, которую теперь скромно именуется «вспомогательной державой» [там же, л. 79], из рядов Второй антифранцузской коалиции.

Таким образом, становится ясно, что крах Второй антифранцузской коалиции во многом был предопределен своекорыстной политикой Венского кабинета, невозможностью вовлечь в коалицию Пруссию и довольно скромной, по мнению российской стороны, финансовой помощью Империи со стороны Великобритании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Местр Ж. де. Рассуждения о Франции / Ж. де Местр. – М., 1997.
2. Херншоу Ф. К. Европейские коалиции, союзы и соглашения начиная с 1792 г. / Ф. К. Херншоу. – М., 1924.
3. Егоров А. А. Англия – организатор антифранцузских коалиций на континенте : от начала Великой французской революции до 1801 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Егоров. – Ленинград, 1989.
4. Куницын А. А. Политическая и военная роль Англии в деятельности второй антифранцузской коалиции 1798–1802 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Куницын. – М., 2020.
5. Rodger A. B. The War of the Second Coalition. 1798 to 1801 / A. B. Rodger. – Oxford Univ. Press, 1964.
6. Сорель А. Европа и французская революция. Т. I–VIII / А. Сорель. – СПб., 1892–1908.
7. Нарочницкий А. Л. Международные отношения европейских государств с 1793 по 1830 г. / А. Л. Нарочницкий. – М., 1946.
8. История дипломатии : в 3 т. Т. 3 / под ред. В. А. Зорина [и др.]. – М., 1959.
9. Shetvig J. M. Guineas and gunpowder. British foreign aid in the wars with France 1793–1815 / J. M. Shetvig. – Harvard Univ. Press, 1969.
10. Егоров А. А. Граф С. Р. Воронцов : человек и дипломат / А. А. Егоров // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – 2010. – 4.
11. Захарова О. Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С. Р. Воронцова. Из истории российско-британских отношений / О. Ю. Захарова. – М., 2013.
12. Воронцов-Дашков А. И. Семен Романович Воронцов. Биография / А. И. Воронцов-Дашков, М. И. Микешин. – СПб., 2020.
13. Егоров А. А. Граф С. Р. Воронцов в 1798 году : год из жизни российского посла в Лондоне (по материалам АВПРИ) / А. А. Егоров // Музей в XXI веке : новые реалии, новые подходы, новые возможности. Воронцовы и русское дворянство. Воронцовы и Англия. Мир усадебной культуры. – Симферополь, 2020.
14. Архив внешней политики Российской империи. – Ф. Сношения России с Англией. – Оп. 35/6. – Д. 507.

*Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета*

*Ковалева О. А., кандидат исторических наук, доцент
кафедры зарубежной истории и международных отношений*

E-mail: savchenko-oa@mail.ru

*Institute of History and International Relations of the
Southern Federal University*

Kovaleva O. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign History and International Relations

E-mail: savchenko-oa@mail.ru